

НЫНЕШНЯЯ телевизионная неделя прошла под знаком Спартакиады. Голоса Озерова, Дмитриевой, Саркисянца и других спортивных комментаторов заполнили эфир. Иные сферы интересов вынуждены были потесниться, понимая, что соперничать со спортом во влиянии на телезрителей бессмысленно. Вероятно, именно поэтому те, кто относится к спорту с уважением, но без интереса, не смогли в течение недели получить достаточную пищу своему уму и воображению. Даже передача, самим своим названием — «Спор-клуб» предназначенная быть захватывающей, на этот раз протекала робко и вяло, как бы лишь для того, чтобы заполнить свободный промежуток между очередными спортивными состязаниями. Скванность, с какой держались участники клуба, и профессиональная непринужденность ведущего создавали контраст, еще раз доказывая, что для интересного публичного спора должен быть интересный предмет. Лица молодых каменеют, едва лишь любопытная камера оператора останавливается на них; отсутствие мнений становится очевидным.

Идея спор-клуба представляется мне несколько аморфной, и даже энергичное обаяние Ролана Быкова не может этого скрыть. Молодые люди собираются для того, чтобы в обстановке, близкой к бытовой, обсудить актуальные проблемы жизни, предложенные им редакцией. Однако рассказаны они таким образом, что любой человек, не владеющий актерским искусством общения с телекамерой, может растеряться. Вместо глаз оппонента на спорщика наставлен мигающий свет аппаратуры. Вместо свободного тече-

ния мыслей ему предлагается заданная тема.

Несмотря на то, что идея клуба заключена в совместных размышлениях, обсуждения в спорах, роль Быкова сводится к констатации конечной истины, к результату, тогда, как именно процесс мог бы стать самой любопытной частью передачи.

Обсуждали, есть ли доблесть в уличной драке. Писатель Л. Жуховицкий старается раскрепостить молодых людей и дать им возможность высказаться. Однако никто и не спорит особенно, и в различных вариациях дается единый ответ: драться от бравяды не стоит, но — смотря по обстоятельствам. Но эта очевидная истина вряд ли стоит тех усилий, которые затрачиваются на создание иллюзии жаркой борьбы мнений и темпераментов. Единственное острое мнение относилось скорее не к теме, а к самой постановке вопроса. Улыбчивая девушка с удивлением заявила, что драк она особенных не замечала, ибо на хулиганство ни она, ни ее друзья не ориентированы; и что эта тема может вполне волновать лишь тех, кому больше нечем заняться. Ведущий быстро поставил ее на место, подвергнув резкой критике такое высокомерие. Между тем, может быть, единственный раз за всю передачу прозвучало индивидуальное мнение, и обнаружила себя личность. Тема явно зависла, и предложена была для

обсуждения следующая, более конкретная: дискотеки. Уровень, заданный Роланом Быковым (он интересно говорил о молодом поколении, воспитанном в музыке), оказался недостижимым для дискуссии в целом. В дальнейшем энергия расходовалась по мелочам: зачем нужны дискотеки — для

развлечения или просвещения; сколько их нужно; какими они должны быть. Общее мнение было единодушным: дискотеки нужны хорошие и разные. Стало очевидным, что такие вопросы решаются не записными дискуссионками, а практиками, и насущная потребность в таком случае — не абстрактные рассуждения, а конкретные предложения.

Оператор, видимо, утомленный неопределенностью всего происходящего, подолгу и с удовольствием останавливал камеру на лицах слушателей, минув спорщиков. Лица эти, действительно, — достойный объект для съемки. Задумчивые и сосредоточенные, иронические и веселые, они составили самое приятное зрелище из всей полуторачасовой программы. Слушать эти молодые люди, безусловно, умеют. Предыдущая передача, посвященная проблеме любви, выявила, что умеют и мыслить. Вероятно, проблема любви волновала молодых людей значительно больше, ибо там находились и слова, и предложения, и мысли.

ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ фильмов и спектаклей телевидение на этой неделе предлагало повторение пройденного. Повторяли многолетнюю давности телеспектакль «Солярис», где обаятельный мужественный Василий Лановой несет свою вечную тему рыцарства. Не столь давний «Бенефис»

Людмилы Гурченко. Даже часовое общение с Юрием Никулиным в фильме «Сегодня и ежедневно» носило привкус встречи с милым, но безнадежно знакомым человеком, ибо фильм повторяется не первый раз.

Однако телезритель, чуждый спортивных радостей, получил все-таки возможность с вниманием посмотреть телевизор на этой неделе. Помог юбилей Шукшина, в связи с которым был показан новый документальный фильм, посвященный писателю.

Скромность авторов фильма удивительна — ни в начальных, ни в последних титрах они не указали своих имен. Минимум дикторского текста — герой известен всем. Популярность этого имени поразительна, но и закономерна. Личность Шукшина являет нам тот редкий случай, когда в нем — в трех ипостасях (актера, писателя и режиссера) — говорит только он сам. Поэтому почти всякий кадр из художественного фильма может быть приравнен к документальному, всякое публицистическое

слово — к художественному. Через прозу, актерскую и режиссерскую деятельность непреложно выражается одно — личность Василия Шукшина. Она стала средоточием тех истинно русских проявлений нашего времени, которые по крохам и частям мы встречаем всюду. Шукшин же — полнокров-

не признался матери, что ее сын.

Шукшину в этом смысле повезло — что бы ни делало с его образом время, истина восстановима. Она зафиксирована в его творчестве. И создатели фильма делают ставку именно на это. Актеры, работавшие с Шукшиным, убедительны не только и не столько в своих рассказах о нем, но — в его фильмах, в исполнении его прозы и драматургии. Здесь момент истинного искусства совпадает с главным началом самого Шукшина — честностью. А воспоминания — это не главное, и не случайно в фильме им уделено так мало места. Время для воспоминаний еще не настало. Пока живы книги, фильмы и роли этого человека, можно надеяться на то, что его личность — через них — скажет сама за себя.

Становится понятной разносторонность Шукшина — он мог и хотел говорить только сам за себя, от своего имени. Отсюда — соединение в нем актера, режиссера и писателя. Яростное нежелание подчиняться чужой воле и бешеное стремление — успеть сказать свое. Ибо он имел доступ к тому гигантскому пласту жизни, который от деятелей искусства часто закрыт. Даже если писатель пишет не о своем, творческом круге, его взгляд на другую жизнь порой носит характер наблюдательский. Для Шукшина же именно эта, другая жизнь — своя. Он писал о русской земле и для ее жителей, писал с крайней степенью честности. Потому так просится его цельный образ в легенду и потому своей цельностью так отчаянно легенде сопротивляется.

Неулыбчивый Шукшин сидит на пригорке. Пасмурно, ветер. Ерничая, рассказывает «из крестьянской жизни». С яростным отчаянием рыдает —

По теленеделе дежурила
Е. ДАВЫДОВА.

Моск. кинематограф, 1979, 20 июля